

Сергей Оберман

16+

ВОРОЖЕИ
НЕ ОСТАВЛЯЙ В ЖИВЫХ

Сергей Оберман

Ворожеи не оставляй в живых

«ЛитРес: Самиздат»

1997

Оберман С. В.

Ворожеи не оставляй в живых / С. В. Оберман — «ЛитРес: Самиздат», 1997

Всю свою жизнь я служил вере, вере в Него. Вера по определению не может быть рассудочной, рассудительной. Вера слепа, ее принимаешь как данность, как аксиому. Но люди не могут не задавать вопросы, не искать ответы на них. Поэтому вполне понятно, что вера ослабла, а из недоступных человеческому пониманию тайников на волю выбралось некое абсолютное зло, спешащее, и вполне успешно, навязать веру в себя, как в новое божество. На смену старым догматам идут новые. И не вполне ясно, какие из них предпочтительнее...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Ужасные энергии – то, что зовется Злом –
суть циклопические архитекторы и пролагатели
путей гуманности.
Фридрих Ницше

Первым вернувшимся ко мне ощущением была боль. А, может, наоборот: она, внезапно покрывшая меня своим беспросветным одеялом, постепенно отступила и оставила мою душу содрогаться в болезненных корчах, заменивших ей мир. Боль ощущалась везде – во мне и вокруг меня, сверху и снизу, справа и слева. Все мое существование внезапно превратилось в сплошную жгучую боль, одного упоминания о которой я боялся больше, чем адского огня. А вот теперь я жил ею и не мог никак избавиться от нее, стала частью моего жалкого существа. Господь даровал мне эту муку и мне пришлось сжиться с нею. Другого пути не было. И в награду за это, сквозь пелену огненных мерцаний и грохочущих в ушах звуковых каскадов, ко мне стали пробиваться и иные чувства.

Я будто снова нарождался на свет.

Сквозь феерическое мерцание боли прорвались другие звуки и проредили ее пульсирующую настойчивость. Никогда раньше не приходилось слышать подобной чертовщины. В пляшущей в моем мозгу непосильной муке было больше упорядоченности, чем в разорвавшей ее какофонии. Заунывность и тоска, скрежет и всхлип, раздор и сомнение. Это была дьявольская музыка. Сама по себе она была не менее мучительна, чем физическая боль, разрывающая на части мое тело, но в симбиозе с ней она становилась воистину панацеей.

Я должен был видеть. Мысль об этом внезапно прорезала воспаленное болью восприятие. И я попытался хоть что-нибудь предпринять. И не смог найти в себе сил. Моим телом владела боль и даже хаотические звуки музыки доносились, как далекий шум прибора через настырно бьющие звуки рок-н-ролла. И я перестал сопротивляться боли, попытался раствориться в ней, понять, принять ее.

Мне это удалось? Она оказалась разумной и пошла мне на встречу?

Я обязан был заставить свои глаза видеть. Напрягая внутренние силы, я пытался пробудиться, прорвать кокон. Сковавший меня.

Боль отступала, звуки становились слышны отчетливее, яснее, различимее. В них проявился порядок. Я уже понял, что различаю их слухом и ощутил свои веки. Одного усилия, чтобы разлепить их, было недостаточно. Когти боли сжали мою израненную душу с новой силой. Я боролся. Я разодрал невероятно тяжелые веки, которые словно промазали красным клеем, и я увидел.

Огонь и тени. Блики пламени, делающие их непропорционально огромными в сравнении с пляшущими фигурами, выделявавшими замысловатые па. Мои наполненные кровью ноздри раздвинул отвратительный запах плесени и гнили. Я узнал это место, впрочем, как и одну из дергающихся фигур. Это была городская помойка, а я ...

Сильнейший приступ головокружения вернул мне память и две слезы выкатились из моих глаз. На какой-то ничтожный миг я словно увидел себя со стороны. Мог ли я помыслить, что приму муки, подобные Его? Вот я и попал туда, куда хотел. Но так ли я это себе представлял и стоило ли оно того?

Господи, в твоей ли это воле?! Вырвавшаяся из закоулков сознания память новой волной душевной муки затопила мое естество и криком распечатала уста.

– Владыко, Господи, Ты начал показывать рабу Твоему величие Твое и силу Твою, и крепкую руку Твою и высокую мышцу; ибо какой бог есть на небе, или на земле, который мог бы делать такие дела, как Твои, и с могуществом таким, как твое¹?

¹ ВТОРОЗАКОНИЕ 3 23, 24

Память, вернувшись ко мне, отвергала всякие сомнения: появился новый бог, а наш Единый не может, или не хочет, вступить за свою паству. Но могу ли я упрекать Его? Не виноваты ли мы в этом сами?

Три марионетки от высокого костра неторопливо двинулись ко мне, не прекращая своих замысловатых телодвижений. Теперь я узнал и двух других. Не приходилось ждать от них ничего хорошего, тем более, что своим нынешним положением я обязан был исключительно им.

А как обыденно начиналось то утро...

На утреннюю проповедь в церковь никто не пришел, как и вчера на вечернюю. Церковь стремительно теряла свой авторитет в городе, и я не знал, чем это объяснить. А лет пять назад на мои проповеди приходило полгорода и скамьи в храме Святых Петра и Павла никогда не были пусты. А сейчас нет даже моих некогда верных помощниц Алисы и Стефы, за свою жизнь не пропустивших ни одной службы. Вера покидает человеческие сердца, что заполняет их взамен нее? И мне поневоле приходится все чаще задаваться вопросом: в чем причина утраты веры? Виноват ли в этом век космических скоростей, стремительного прогресса и виртуальной реальности или в душах людских поселилась иная вера? Многоликая, легко принимаемая, не требующая усилий и воздержания, мучений и отречения? Поощряющая пороки и удовольствие. И вот эта новая вера, такая желанная, возвращенная на потребление, а не мучениях и страданиях, повергает старую в пучину забвения и отторжения? Библия искажается и извращается, то, что ранее осуждалось, в новых учениях становится нормой. К чему мы идем? И вместе с тем, я прекрасно сознавал, что все мои размышления ничтожны и мелки в сравнении с Его глобальными замыслами. На все Его воля. Может, все происходящее – звенья одной, постоянно кующейся Им цепочки? И потому изо дня в день я продолжал безропотно отправлять свои обязанности.

Голос мой одиноко разносился под гулками сводами, украшенного резными орнаментами, пустого зала и только широкий солнечный луч, целеустремленно чертивший свою дорожку к алтарю, был ему свидетелем и слушателем.

– Если кто имеет уши слышать, да слышит! И сказал им: замечайте, что слышите. Какою мерою мерите, такую отмерено будет вам, и прибавлено будет вам, слушающим. Ибо, кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет². Аминь!

Мои неторопливые размеренные шаги попирали вековое спокойствие и тишину старинного храма. Чистота и покой. За цветными стеклами витражей разгорался новый летний день. Живой огонь горящих свечей, запах ладана, придавал мне сил. Пока есть храм, церковь, в которую могут прийти, обратиться за духовной помощью, люди и поведать Господу свои радости и печали, моя служба Ему не напрасна.

Выходя на улицу, я оставил в храме сутану. Может быть, не следовало разоблачаться, но среди горожан я старался быть одним из них. Вечером сестра зашивала карман моих стареньких брюк, поэтому я несколько не удивился отсутствию ранее отложенных двух крон. Что ж, я тоже грешен. Перехватить кружечку пива в баре у Арни теперь не представлялось возможным. Часы на городской ратуше пробили одиннадцать. Можно было посидеть еще пол часа в сквере, потом отправиться домой пообедать, – Синтия, наверняка, приготовила аппетитный вкусный суп.

После скрадывающего сумрака храма, яркое солнце неприятно резануло в глаза. Шевелящаяся на легком ветру далекая зелень сквера приятно манила и радовала взор и душу. И тем большее негодование вызывали грязные символы, пачкающие белоснежную стену храма. Чья-то злая рука начертала поверх ранее замазанных мной новые сатанинские знаки, свастику, пяти и шести конечные звезды, ругательства. Некоторые не просто перестали почитать Бога, но

² МАРК 4 23-25

старательно демонстрируют свое глупое неуважение к Нему. Я устало покачал головой: нельзя же настолько презирать и не уважать свою душу.

– Что, святой отец, работка подвалила? – Гельмут, которого я знал с пеленок и крестил своими руками, нагло грубо ухмылялся и бросал в мою сторону издевательские насмешливые взгляды. Ему, несомненно, нравились разводы краски на стене.

– Ты, можешь сказать мне, кто это сделал? – Я должен был спросить этого дородного детину, прячущего за спину измазанные черной краской руки.

– Догадываюсь, но вам-то какой от этого прок? Словами забросаете?

Харкнув, сплюнув мне под ноги отвратительным плевком, он развернулся и не спеша зашагал прочь. А я побрел в скверик, размышляя о том, где в очередной раз раздобыть мел или белую краску. В центре площади меня настиг возглас.

– Ого-го! Эге-гей! Люди! Посмотрите-ка! – Разорвал жаркую умиротворенность дня пронзительный мальчишеский фальцет.

Не повернуться, не обратить на него внимание было невозможно. Прогуливающиеся немногочисленные горожане и спешащие через площадь по своим делам люди останавливались, натываясь друг на друга и смотрели на детскую фигурку, указывающую куда-то пальцем вверх. – Эй, глядите-ка!

Удивленные возгласы слышались из десятков уст различных людей волею случая оказавшихся в тот миг на площади, а на лицах застыло изумление, удивление, неверие, когда они устремляли свой взор туда, куда указывал грязный палец мальчишки.

Поддавшись всеобщему ажиотажу, шурясь от яркого полуденного солнца и прикрывая глаза ладонью, я так же воззрел на шпиль ратуши. Что-то или кто-то там был, кажется, человек. Кто же мог забраться на подобную высоту? И как? Зачем? Двенадцатиметровый шпиль уверенно протыкал небо, а на самом его острие лепилось нечто черное и бесформенное. К сожалению, зрение мое уже не так остро, как лет пятьдесят назад.

– Да это же Мэт!

– Точно! Старая Мэт!

– Не может быть! Вот дает, старуха!

Возгласы удивленного непонимания и пустой восторженности волнами перекачивались по суетливой толпе, собравшейся у здания ратуши. А в душе моей встрепенулись тревога и страх, потому что вспомнились когда-то сказанные слова отца, обретшие внезапно значение и смысл. Кости отца давно сгнили в земле, но неоднократно произнесенная им фраза огненными буквами прорезалась в моем сознании. «Когда старая Мэт воссядет на шпиль, придет конец света». Уверен, многие в городе слышали эти же слова от своих родителей, передающиеся из поколения в поколение, но мало кто понимал их и придавал значение. И вот теперь я воочию зрел это диво.

Кто в городе не знал старую Мэт! Она была его неотторжимой частью, его достопримечательностью. Люди в городке рождались и умирали, а Мэт жила уже на протяжении многих поколений. И никто, почему-то, никогда не задумывался над этой несуразной странностью. Глядя на нее, казалось, что она умрет не сегодня, так завтра и потому не было человека воспринимавшего ее всерьез и обращавшего на нее внимание. Впервые, эту странную старуху я увидел, когда сам был мальчишкой, теперь мне перевалило на седьмой десяток, а Мэт осталась все такой же грязной и безобразной старухой, обитающей на городской свалке. Отец говорил, что она живет вечно, что ее знали еще его дед и прадед. Сказания о долгой жизни Мэт стали легендой, преданием, но она никогда не лезла на глаза, а часто ли мы посещаем свалки? Только детьми, в поисках неожиданных и острых приключений. Я так же никогда не придавал значения самому факту существования Мэт, а теперь испугался. Ее знали все, но о ней не знал никто.

На безоблачном дневном небе внезапно возникла и напозла на солнце черная грозовая туча. На площадь опускались нежданные сумерки.

– Надо помочь женщине! Она же упадет! – Встревожился кто-то.

– Вызовите пожарных! У них есть лестницы!

– Совсем спятила старая! Тряпье свое вонючее на ветру сушит. Мерзость какая!

Где-то вдалеке уже ревели сирены пожарных машин.

Тучи закрыли небо сплошной темной пеленой и в сумеречном сером свете я напряженно всматривался в фигуру на шпиле. Как она там и за что держится? Нет, в ней не было страха. Мне было совершенно не понятно, как и за что она там может удерживаться, но выглядела она уверенно. И не просила о помощи. Выглядело все это дико, непонятно и противоестественно. В какой-то момент случилось то, чего никто не мог ожидать: шпиль начал изгибаться. Неужели не выдержал тяжести Мэт?! Не сопереживать старой женщине в этот момент не мог никто. Казалось, сейчас шпиль сломается и с огромной высоты старуха грохнется оземь. Множество людей затаили дыхание.

Происходящее выглядело сюрреалистично, нелогично и непонятно до крайности. Стальной шпиль продолжал изгибаться и, вместе с тем, удлиняясь, изящно и плавно опускал Мэт на землю. Он словно растягивался, как резиновый жгут. Зрелище было настолько необычно, настолько не вписывалось в привычные понятия и представления, что люди отшатнулись от Мэт, как только она коснулась земли. Они, словно спугнутые крокодилом лани бежали от старухи в грязном рубище, прочь. Падали, спотыкаясь, заплетаясь ногами, поднимались и спешили отойти подальше. Через какие-то мгновения я остался стоять перед Мэт один. И тогда я понял, почему бежали люди. В своих дряблых, но таких сильных руках уродливая старуха крепко сжимала голову огромной змеи, хвост которой круто уходил вверх и брал свое начало на острроверхой крыше ратуши.

Последние проблески света поглощались сгущающейся тьмой. День стремительно иссякал. Мэт вперевалку двинулась ко мне, с уголков ее губ текла розовая слюна. Крики убегающих людей, за моей спиной, стали громче, как только она двинулась. Оскаленная пасть змеи с острыми клыками, в руках старухи, удивительно походила на безобразное испещренное глубокими морщинами лицо Мэт. Я попытался заговорить с ней и случайно взглядом натолкнулся на ее глаза, прятавшиеся под набухшими веками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.